

Е. Аренс

Русский флот
Исторический очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е. Арнс**
Русский флот: Исторический очерк / Е. Арнс – М.: Книга по Требованию,
2016. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-5695-3

ISBN 978-5-4241-5695-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

Суда ихъ вырубались изъ цѣльныхъ деревьевъ, почему и назывались *однодеревками*. Для морского плаванія борта ихъ возвышались набойными досками и такія лодки получали названіе *набойныхъ*. Кромѣ весель, онѣ имѣли и паруса. Каждая изъ нихъ вмѣщала около 50 человекъ. Суда эти были весьма нехитраго устройства, но они удовлетворяли тогдашнимъ требованіямъ: быть настолько легкими, чтобы ихъ можно было волокомъ перетаскивать въ обходъ рѣчныхъ пороговъ или изъ одной рѣки въ другую, и настолько прочными, чтобы выдерживать морское плаваніе.

Первые князья, прибывшіе на Русь изъ-за моря (Варяжскаго), не внесли, однако, въ судостроеніе никакихъ улучшеній. Только лѣтъ триста спустя, на Днѣпрѣ появились впервые палубныя суда, болѣе поворотливыя и лучше приспособленныя для боя. Положеніе заморскихъ правителей въ чуждой имъ странѣ оставалось долгое время слишкомъ непрочнымъ, чтобы они могли покуситься на какія-либо общія преобразованія въ искони установившемся промыслѣ. Князья со своими дружинами могли въ этомъ отношеніи слѣдовать лишь за народомъ и становиться во главѣ предпріятій, выгодныхъ для населенія.

Дѣйствительно, въ тѣ далекія времена торговля на Руси была весьма обширна. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ многочисленные клады, и по сейчасъ находямые на древнихъ рѣчныхъ путяхъ.

II.

Возвращаясь изъ похода въ Грецію въ 972 году, князь Святославъ былъ убитъ печенѣгами, подкараулившими его у Днѣпровскихъ пороговъ. Послѣ его смерти

русская земля досталась тремъ его сыновьямъ: Ярополку, Олегу и Владимиру. Пошли небывалыя доселѣ ссоры и междоусобицы изъ-за удѣловъ, тянувшіяся болѣе 250 лѣтъ. На истерзанную и обезсиленную этими кровавыми распрями Русь налетѣли затѣмъ татары и еще столько же лѣтъ держали ее подъ своимъ жестокимъ ярмомъ.

Зарождавшееся морское могущество страны было подрѣзано въ корнѣ. Образовавшіяся на Волгѣ татарскія царства, Казанское и Астраханское, отрѣзали Россію отъ Каспійскаго моря, а покорившіе Византію турки — отъ Чернаго моря. Свободнымъ оставалось одно лишь Балтійское море, и доступъ къ нему ревниво охранялся уцѣлѣвшими отъ татарскаго погрома новгородцами. Владѣя Невой, составлявшей выходъ главнаго рѣчнаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, они вели обширную морскую торговлю съ обитателями его береговъ. Въ поискахъ за новыми промыслами и пріобрѣтеніями новгородскіе купцы-мореходы проникли въ Печорскій край, укрѣпились въ устьѣ Сѣверной Двины и ходили даже въ Карское море и на Новую Землю. Норвежцы или *Мурмане* вынуждены были уступить имъ свои насиженные здѣсь гнѣзда; сосѣднія племена—Корелы, Эсты и Эмь—платили имъ дань.

Даже въ тяжелыя татарскія времена новгородцамъ удавалось одерживать побѣды надъ шведами, старавшимися воспользоваться безотраднымъ положеніемъ Россіи. Въ 1240 году новгородскій князь Александръ Ярославовичъ разбилъ ихъ на Невѣ, почему и прозванъ *Невскимъ* *). Нѣкоторое время спустя, шведамъ все-таки удалось овладѣть Невую и построить здѣсь крѣпость Ландскрону. Новгородцы взяли ее въ 1301 году.

*) Онъ причисленъ нашею Православною церковью къ лику святыхъ.

Чтобы, въ свою очередь, обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ покушеній настойчиваго врага, новгородцы вскорѣ затѣмъ выстроили свою собственную крѣпость Орѣшекъ на островѣ Орѣховомъ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера.

Будучи по природѣ лихими моряками, новгородцы быстро усвоили себѣ усовершенствованные норманами (мурманами) приемы судостроенія и морского искусства и завели собственный сильный флотъ. На своихъ судахъ они нерѣдко переплывали Финскій заливъ и разоряли берега шведской тогда Финляндіи.

Таковъ былъ „Господинъ Великій Новгородъ“, какъ съ гордостью величали свою область сами новгородцы. Но, несмотря на всѣ свои доблести, одни они ничего не могли подѣлать со шведами и должны были уступить въ неравной борьбѣ. Этому не мало способствовалъ и жестокій разгромъ, которому они подверглись при Царѣ московскомъ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, за свое нежеланіе ему подчиниться. Не стало Великаго Новгорода, и враги поспѣшили этимъ воспользоваться: шведы усилились въ Финляндіи, нѣмцы въ Ливоніи и, наконецъ, Россія лишилась всего прибалтійскаго края со Псковомъ и Новгородомъ. Прекратилась и обширная заморская торговля, питавшая всѣ внутренніе рынки страны.

Примириться съ этимъ не могли, однако, новгородцы, и удалъ ихъ нашла себѣ исходъ въ дерзкихъ подвигахъ *ушкуйниковъ*, грабившихъ не только шведовъ и норвежцевъ, но и своихъ.

На смѣну имъ явились на югѣ *казаки*. Поселившись въ низовьяхъ Днѣпра и Дона, они вели отчаянную борьбу съ татарами и турками не только на сушѣ, но и на морѣ, куда они выходили на своихъ легкихъ *чайкахъ*.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1637 году, имъ удалось даже овладѣть, при помощи этихъ судовъ, весьма сильной турецкой крѣпостью Азовомъ. Въ немъ они держались цѣлыхъ пять лѣтъ, умоляя Царя взять его подъ свою высокую руку. Михаилъ созвалъ соборъ всякихъ чиновъ людей и, выслушавъ ихъ мнѣнія, отказалъ казакамъ изъ опасенія войны съ Турціей.

Въ другой разъ казаки явились на ста судахъ въ самый Босфоръ и, въ виду Константинополя, грабили его окрестности въ теченіе шести часовъ.

Подобно новгородскимъ ушкуйникамъ, донскіе и запорожскіе казаки не упустили случая пограбить и своихъ. Всѣмъ этимъ представителямъ отчаянной волиницы не по душѣ были суровыя требованія московскаго единоподданства. Больше всего они дорожили своею личною свободою и весь громадный избытокъ силъ своихъ тратили главнымъ образомъ на борьбу съ могущественными врагами тогдашней Россіи. Такимъ образомъ они являлись весьма полезной для государства силой, требовавшей лишь разумнаго и твердаго руководства.

Эту обязанность и взяла на себя Москва, настойчиво собиравшая подъ свою власть разоренныя междуусобіями и татарскимъ ярмомъ удѣльныя княжества. Она обуздала ушкуйниковъ, казаковъ, бродниковъ, весь этотъ безпокойный и воинственный людъ, и попыталась взять судоходное дѣло въ свои руки. Необходимыя для развитія его средства имѣлись, надобно было лишь заняться ихъ устройствомъ и упорядоченіемъ.

Унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ-славянъ склонность и способность къ мореходству, русскіе люди совершали на своихъ утлыхъ челнокахъ далекія и опасныя плаванія. Ермакъ со своими товарищами пробрался по Волгѣ и Чусовой въ сибирскія рѣки и въ 1582 году

положилъ начало покоренію Сибири. Казакъ Дежневъ проникъ еще дальше на востокъ и въ 1648 году открылъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и называющійся теперь Беринговымъ. Бывали наши мореходы на Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, не боялись заходить и въ Ледовитый океанъ, къ пустыннымъ берегамъ Сибири.

Любовь къ морскимъ промысламъ и торговлѣ, сопряженнымъ въ тѣ времена съ громадными опасностями, искони присуща была русскому народу. Онъ проявлялъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и первымъ нашимъ московскимъ самодержцамъ оставалось лишь использовать ее для общаго блага своихъ подданныхъ.

III.

Первыя попытки въ этомъ отношеніи принадлежатъ Царю Іоанну Васильевичу Грозному. Покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ онъ открылъ свободный доступъ къ Каспійскому морю, а въ 1558 году ему удалось взять у шведовъ Нарву и получить выходъ къ Балтійскому морю. Нѣсколько раньше этого попалъ случайно въ устье Сѣверной Двины англійскій купеческій корабль, и такимъ образомъ возникла у нихъ морская торговля съ Англіей, при чемъ англійскіе купцы проникли даже въ Каспійское море. При ихъ же содѣйствіи удалось построить въ Вологдѣ до 20 судовъ. Благодаря же быстро развившейся торговлѣ, незначительное до того поселеніе въ устьѣ Двины превратилось къ концу царствованія Грознаго въ портовый городъ Архангельскъ. Повидимому, судьба благопріятствовала созданію здѣсь военнаго флота. Этому, однако, препятствовали: неудобства удаленнаго отъ Москвы суроваго моря, происки и козни

чужеземныхъ торговыхъ людей, борьба съ Ливоніей, Польшей и Швеціей и разгромъ Новгорода.

На Черномъ и Азовскомъ моряхъ у насъ еще не могло быть въ то время никакой пристани. Но и туда проникали, при содѣйствіи казаковъ, наши ратные люди. Во время похода противъ крымскихъ татаръ воевода Адашевъ построилъ на Днѣпрѣ суда, спустился на нихъ въ Черное море, разорилъ берега Крыма и даже взялъ два непріятельскія судна.

Царь Борисъ Годуновъ тоже помышлялъ о поднятіи морского значенія Россіи. Онъ хлопоталъ о возвращеніи потерянной еще при Іоаннѣ же Нарвы и Эстляндіи, отнялъ у англичанъ дарованныя имъ этимъ царемъ торговыя преимущества передъ русскими купцами и купилъ въ Любекѣ два корабля для Архангельска. Такого рода распоряженія умнаго и предприимчиваго царя побудили даже польское правительство предложить ему завести на общій счетъ военный флотъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Затѣя эта клонилась, однако, лишь къ созданію польскаго флота на русскія деньги, почему дальновидный Борисъ и отказался отъ нея.

Наступившимъ затѣмъ смутнымъ временемъ междуцарствія и самозванщины наши враги воспользовались для того, чтобы совѣмъ оттолкнуть Россію отъ Балтійскаго моря. Этимъ они надѣялись лишить ее торговыхъ выгодъ и начинавшагося уже общенія съ образованными и богатыми народами западной Европы. Дѣйствительно, по Столбовскому миру, заключенному царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ со шведами въ 1617 году, мы потеряли всѣ наши древнія владѣнія по берегу Финскаго залива, отъ рѣки Наровы до рѣки Сестры. Даже Нева, за которую пролито было столько русской крови, перешла въ руки враговъ. Теперь Россію отдѣляли отъ моря озера

и болота, и король шведскій Густавъ-Адольфъ надѣялся, что ей не легко будетъ перешагнуть эти преграды.

Въ письмѣ къ своей матери онъ писалъ между прочимъ: „Если ей возвратить Нотебургъ (Орѣшекъ) или Ивангородъ (Нарву), или оба города вмѣстѣ, и если бы Россія подозрѣвала свое собственное могущество, то близость моря, рѣкъ и озеръ, которыхъ она до сихъ поръ не умѣла еще оцѣнить, дало бы ей возможность не только вторгнуться въ Финляндію со всѣхъ сторонъ и во всякое время года, но даже, благодаря огромнымъ ея средствамъ и неизмѣримости ея предѣловъ, покрыть Балтійское море своими кораблями, такъ что Швеція находилась бы въ безпрестанной опасности“.

Король былъ правъ, и пророчеству его суждено было сбыться, но лишь сто лѣтъ спустя. А пока Россіи было не до того. Раздираемая внутренними неурядицами, тѣсняемая внѣшними врагами, съ разореннымъ въ концѣ поселеніемъ и пустой казной, она медленно собиралась съ силами для новой жизни подъ скипетромъ перваго Царя изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича. Вотъ почему онъ и вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, отказаться отъ Азова и оставить казаковъ на произволь судьбы.

Но, какъ только народъ нѣсколько успокоился и оправился, тотъ же Царь начинаетъ покровительствовать предпріятіямъ на пользу торговли и судоходства.

Онъ согласился на предложеніе голштинцевъ построить въ Россіи 10 кораблей для доставки въ ихъ страну изъ Персіи шелка по Каспійскому морю и Волгѣ. Требовалось только, чтобы иностранные мастера не скрывали отъ русскихъ своего корабельнаго искусства.

Однако, вскорѣ обнаружилась несостоятельность голштинцевъ. Они успѣли выстроить въ Нижнемъ-Новго-

родѣ только одинъ корабль „Фридерикъ“, названный такъ въ честь голштинскаго герцога. Плоскодонное судно это, вооруженное нѣсколькими пушками, разбилось въ томъ же 1635 году въ Каспійскомъ морѣ, у береговъ Дагестана (Кавказа).

Сынъ Михаила Феодоровича, Царь Алексѣй Михайловичъ, не оставилъ этого дѣла.

Задумавъ отнять у шведовъ свои старинныя приморскія владѣнія, онъ велѣлъ построить въ дворцовомъ селѣ Дѣдиновѣ на Окѣ большое количество *струговъ* или барокъ. На нихъ самъ Царь съ войскомъ спустился по Западной Двинѣ и осадилъ Ригу. По пути взяты были города Динабургъ и Кокенгаузенъ, но съ Ригой справиться не удалось: рѣчной флотъ нашъ оказался для этого слишкомъ слабымъ. Чтобы взять Ригу, нужно было отрѣзать ее отъ сообщенія со Швеціей, изъ которой на корабляхъ она получала все необходимое. Царь и его воины могли наглядно убѣдиться въ необходимости настоящаго боевого флота. Мысль о немъ уже не покидала московское правительство и наиболѣе выдающихся совѣтниковъ Царя.

По Государеву указу 1667 года, закипѣла въ Дѣдиновѣ судостроительная работа, и черезъ полгода съ небольшимъ были уже спущены на воду корабль, яхта, боть и двѣ шлюпки.

Первый русскій корабль „*Орель*“ имѣлъ около 80 футовъ длины, 21 футъ ширины и до 5 фут. осадки. Вооруженіе его состояло изъ 22 пушекъ небольшого размѣра. Но недолго ему пришлось существовать. По прибытіи въ Астрахань въ 1670 году, онъ вскорѣ попалъ въ руки мятежныхъ казаковъ и былъ ими сожженъ. Атаманъ ихъ, Стенька Разинъ, не могъ не почувать въ этомъ кораблѣ зародыша будущей морской силы, грозной не

только для внѣшнихъ, но и для внутреннихъ враговъ государства.

Вспоминая объ этомъ событіи, Царь Петръ Алексѣевичъ такъ высказался о дѣятельности своего отца: „И хотя намѣреніе отеческое не получило конца своего, однакожь, достойно оно есть вѣчнаго прославленія, понеже довольно намъ являетъ, какого духа былъ оной Монархъ, и отъ начинанія того, яко отъ добраго сѣмене произошло нынѣшнее дѣло морское“.

Дѣйствительно, первыя попытки показали *возможность* постройки кораблей въ Россіи. Послѣ этого созданіе военного флота не могло уже казаться дѣломъ несбыточнымъ. Первые опыты поддержали самую мысль объ этомъ, установили преданія, вызвали пригодныхъ людей. Ознакомленіе ихъ съ иностраннымъ искусствомъ и его преимуществами уже само по себѣ послужило на пользу бѣднаго и невѣжественнаго населенія.

Присоединеніе Малороссійскихъ казаковъ и усмиреніе Донскихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ дало для будущаго флота прекрасныхъ, испытанныхъ моряковъ. Не менѣе полезными въ этомъ отношеніи дѣятелями оказались и жители Иноземной или „Нѣмецкой“ слободы въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ побывали за моремъ и искусились въ мореходной наукѣ.

Итакъ, мысль о необходимости для Россіи военного флота уже достаточно созрѣла; сыскались и средства. Но все же для ея осуществленія понадобился человекъ выдающійся, особаго закала и великой души.

Онъ и явился въ лицѣ Петра.

IV.

Народы, владѣющіе верховьями рѣкъ, неизбежно стремятся къ ихъ устьямъ, къ выходу въ море. Такимъ

народомъ, очевидно, былъ и Русскій. Его естественное, но пока еще бессознательное стремленіе къ морю нашло своего вѣрнаго истолкователя и выразителя въ Петрѣ. То, что лишь чутьемъ *угадывалъ* народъ, великій Государь вполне ясно *сознавалъ* своимъ обширнымъ умомъ.

Морскія державы, Англія и Голландія, быстро разбогатѣли, благодаря значительному торгово-промышленному движенію. Франція послѣдовала ихъ примѣру, и ей не пришлось въ этомъ раскаиваться. Невыгодное сравненіе съ ними Россіи невольно приходило на умъ Петру. Онъ задумалъ привить своему бѣдному земледѣльческому населенію торговлю и промышленность, дать ему море и тѣ барыши, которые оно дарило другимъ народамъ. Но для обладанія моремъ необходимъ сильный военный флотъ. Надъ созданіемъ и развитіемъ его трудился, не покладая рукъ, во все свое болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее царствованіе Державный морякъ.

Великое дѣло началось съ водяной потѣхи. Пятнадцатилѣтнему царевичу случайно попался на глаза хранившійся въ селѣ Измайловѣ англійскій ботикъ дѣда его Никиты Ивановича Романова. При помощи голландцевъ Тиммермана и Бранта онъ оснастилъ его и спустилъ на рѣку Язу. Отсюда Петръ перебрался на Просяной прудъ и, наконецъ, на Переяславское озеро. Но вскорѣ и тутъ ему показалось тѣсно, и ему захотѣлось, какъ онъ самъ писалъ, „видѣть воду, охотѣ его равную“. Такой водой могло быть только море и именно Бѣлое море, единственно намъ доступное въ то время.

Уже по воцареніи своемъ Государь дважды посѣтилъ Архангельскъ. Прежде всего его поразило то, что здѣсь, въ этомъ единственномъ русскомъ портѣ, вся морская торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ. Произведенія русской земли и труды русскихъ людей шли